

Научная статья

<https://doi.org/10.24412/2220-2404-2025-5-27>

УДК 343.21

Attribution

cc by

**ИДЕНТИЧНОСТЬ, СБАЛАНСИРОВАННОСТЬ И СОЛИДАРНОСТЬ
КАК КОНСТИТУЦИОННЫЕ ПРИНЦИПЫ УГОЛОВНОЙ ПОЛИТИКИ
СИЛЬНОГО ГОСУДАРСТВА**

Чирков Ф.В.

Кубанский государственный университет, <https://orcid.org/0009-0001-1229-0741>

***Аннотация.** В научной литературе уголовная политика сильного государства, как правило, отождествляется с репрессивной, жесткой, антилиберальной политикой, что, как представляется, принципиально недопустимо. Напротив, современная российская уголовная политика должна избегать крайностей и всегда стремиться к оптимальному балансу разнонаправленных интересов всех участников общественной жизни. Построение в России концепции сильного государства с необходимостью требует адекватной уголовной политики на основе системы традиционных российских духовно-нравственных ценностей.*

Цель работы – установить актуальное содержание конституционных принципов уголовной политики российского государства.

Методы: диалектический, анализ, синтез, индукция, дедукция, функциональный метод, формально-юридический, эмпирический.

Результаты: конституционная идентичность, баланс конституционных ценностей и обеспечение общенациональной солидарности непосредственно влияют на реализуемый в стране уголовно-политический курс, обеспечивая суверенитет и безопасность российского государства и признаваемых им правовых благ.

Ключевые слова: уголовная политика, сильное государство, традиционные ценности, конституционная идентичность, баланс конституционных ценностей, социальная солидарность, принципы уголовной политики.

Финансирование: инициативная работа.

Original article.

**IDENTITY, BALANCE AND SOLIDARITY AS CONSTITUTIONAL PRINCIPLES
OF CRIMINAL POLICY OF A STRONG STATE**

Philip V. Chirkov

Kuban State University

***Abstract.** In scientific literature, the criminal policy of a strong state is usually identified with a repressive, harsh, anti-liberal policy, which seems to be fundamentally unacceptable. On the contrary, modern Russian criminal policy should avoid extremes and always strive for an optimal balance of the divergent interests of all participants in public life. Building a concept of a strong state in Russia necessarily requires an adequate criminal policy based on the system of traditional Russian spiritual and moral values.*

The purpose of the work is to establish the current content of the constitutional principles of the criminal policy of the Russian state.

Methods: dialectical, analysis, synthesis, induction, deduction, functional method, formal-legal, empirical.

Results: Constitutional identity, the balance of constitutional values and ensuring national solidarity directly affect the criminal-political course implemented in the country, ensuring the sovereignty and security of the Russian state and the legal benefits recognized by it.

Keywords: criminal policy, strong state, traditional values, constitutional identity, balance of constitutional values, social solidarity, principles of criminal policy.

Funding: Independent work.

Введение.

Актуальным направлением реализуемого в стране политико-правового курса является поддержание и защита традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Целевое предназначение политики укрепления и защиты традиционных ценностей заключается одновременно в защите и укреплении суверенитета России, а политика защиты суверенитета, в свою очередь, имеет одним из своих

направлений и одновременно средств реализации – защиту традиционных ценностей.

Целевая и инструментальная взаимосвязь «политики ценностей» и «политики суверенитета» находит прямое выражение в политике уголовной, которая служит средством их силовой, репрессивной поддержки. В целом уголовная политика, основанная на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, может рассматриваться в качестве новой модели уголовно-

правового воздействия на криминальные угрозы и их носителей.

Обсуждение.

Такая уголовная политика в своей конфигурации сильно отличается от политического курса, реализуемого в стране до недавнего времени. В научной литературе для ее обозначения уже предложен оригинальный концепт «уголовная политика сильного государства».

Обосновавшие его Ю. Е. Пудовочкин и М. М. Бабаев, пишут, что российская конфигурация параметров сильного государства обеспечивает «вполне осязаемый облик уголовной политики, ориентированной на ширящееся вслед за расширением сферы присутствия государства в социальном пространстве применение средств уголовно-правового воздействия для преимущественной защиты государственных интересов, которые в кратком изложении состоят в обеспечении стабильного (неизменяемого) функционирования сильной вертикали власти в обществе, консолидированном, в том числе посредством норм уголовного права, на основе консервативных патриархальных ценностей» [1].

Внимательный анализ позиции авторов позволяет установить, что в их понимании, уголовная политика сильного государства обладает целым рядом черт, которые в академическом сообществе традиционно воспринимаются как негативные.

Авторы, в частности, утверждают, что такой уголовной политике свойственно:

- расширение сферы криминализации общественно опасных деяний;
- занижение порога общественной опасности деяний, достаточного для их криминализации;
- корректировка приоритетов уголовно-правовой охраны в пользу первоочередной защиты государственных и общественных интересов;
- подключение уголовно-правовых средств для формирования и консервации официальных ценностных и политических ориентиров;
- активное использование образов внешнего и внутреннего врага для конструирования уголовно-правовых запретов;
- избирательное отношение к международным стандартам и правилам в части регулирования уголовно-правовых отношений.

Между тем, отмеченные черты едва ли могут быть приписаны исключительно уголовной политике сильного государства и тем более исключительно российской уголовной политике.

Расширение сферы криминализации – это глобальная, всеобщая характеристика развития уголовного права во всем мире [2], использование уголовного права для формирования ценностных ориентиров – его едва ли не имманентная характеристика [3], а избирательное отношение к международным стандартам – черта любого, не только современного, государства, которое претендует на обладание и выражение собственной независимой позиции по актуальным вопросам международной повестки дня.

Единственное, что в рассуждениях Ю. Е. Пудовочкина и М. М. Бабаева потенциально может претендовать на специфические характеристики уголовной политики сильного государства, – это приоритетная защита государственных интересов и повышенная репрессивность. Об этом, по сути, заявлял В. С. Овчинский, когда писал, что уголовная политика сильного государства не может и не должна быть излишне либеральной: «Опасности радикал-либерализма в уголовной политике особенно наглядно проявляются при рассмотрении их в призме концепции «сильного государства» [4].

Однако отождествление уголовной политики сильного государства с репрессивной, жесткой, антилиберальной политикой, на наш взгляд, принципиально недопустимо. Тут, как раз, «срабатывают» ограничители, заложенные системой традиционных духовно-нравственных ценностей, которые включают в себя и права человека, и милосердие. Уголовная политика сильного государства, основанная на традиционных ценностях, по определению, не может быть негуманной и исключительно этатистской.

Как нам представляется, сама идея поиска характерологических черт уголовной политики сильного государства в контексте противопоставления гуманизма и репрессивности, приоритетной защиты интересов личности или интересов общества обречена на неуспех. Ее особенность не состоит в решении этих вопросов, она заключается в том, что уголовная политика сильного государства есть, прежде всего, независимый, прагматичный уголовно-политический курс, призванный гарантировать внутренний и внешний суверенитет государства.

В этом отношении, гораздо ближе к пониманию сути уголовной политики сильного государства подошел И. М. Клейменов. Он определяет ее как суверенную модель национальной уголовной политики решительного противодействия преступности, которой присущи, среди прочего:

- независимость (государство руководствуется собственным видением адекватного ответа на криминальные вызовы);

- стремление к реализации равенства всех перед законом;

- стратегическое уголовно-политическое планирование с четким системным определением целей и задач;

- внимание к решению проблем социальной политики;

- реалистичность, соответствие достигнутых результатов заданным целям [5].

Уголовная политика сильного государства, основанная на традиционных духовно-нравственных ценностях, проникнутая ими и защищающая их, в диалектическом противостоянии «международного» и «национального», «личного» и «государственного», «частного» и «публичного», «мягкости» и «жесткости», должна избегать крайностей и всегда стремиться к оптимальному балансу разнонаправленных интересов всех участников общественной жизни. Сила государства не определяется его намерением охватить своим влиянием как можно больше сфер общественной жизни и установить за ними тотальный контроль. Сила государства зависит, скорее, от его эффективности, оперативности и легитимности.

В связи с этим, традиционные ценности как идейная основа уголовной политики сильного государства призваны обеспечить такое ее содержательное наполнение, при котором уголовная политика будет, прежде всего, независимой, легитимной и эффективной.

Свой вклад в формирование и реализацию сильной уголовной политики, основанной на традиционных российских духовно-нравственных ценностях, вносит Конституция РФ. В ряду ее основополагающих требований, соблюдение которых призвано формировать облик именно такой уголовной политики, и которые одновременно справедливо рассматривать в качестве принципов уголовной политики, можно назвать: обеспечение конституционной идентичности, обеспечение баланса конституционных ценностей, обеспечение солидарности общества.

Категория «конституционная идентичность» приобрела особую актуальность в контексте необходимости разрешения многочисленных и сложных противоречий, порождаемых процессами международной интеграции и глобализации в сфере права. Реагируя на них, Конституционный Суд РФ неоднократно заявлял о необходимости уважения «национальной конституционной

идентичности», прежде всего, субъектами международного права [6], и подчеркнул, что именно Конституция РФ «как Основной Закон выступает высшей универсальной формой легитимации Российской Федерации, закрепляет ее конституционную идентичность во внутригосударственном и международном пространстве» [7].

Вместе с тем, значение конституционной идентичности не ограничивается упорядочением взаимодействия национальной и наднациональных систем права и правопорядка. Выявление и публичная презентация элементов конституционной идентичности важны, прежде всего, для понимания специфики России самими гражданами России. Отвечая на вопрос: «Кто мы есть?», категория «конституционная идентичность» предпринимает ответы на иные фундаментальные мировоззренческие, а через них – и на правовые вопросы: Куда мы идем? Верен ли наш путь? Какие шаги на этом пути требуется предпринять? и т.п.

Теоретические попытки содержательного определения конституционной идентичности свидетельствуют о том, что в этом случае, речь, как правило, идет о фундаментальных цивилизационно-культурных понятиях, лежащих в основе разрешения тех или иных правовых вопросов, о понимании добра и зла, природы человека, сущности и назначения семьи, материнства, отцовства, воспитания детей, образования, места религии в структуре общества, соотношения частных и публичных интересов и др. [8]. Иными словами, речь идет о традиционных ценностях. Заслуга Указа Президента от 9.11.2022 № 809 [9] как раз и состоит в том, что он прямо назвал ценности, составляющие основу российской идентичности.

Именно сквозь призму этих ценностей в процессе реализации уголовной политики следует проводить толкование объектов уголовно-правовой охраны и применяемых при этом средств, оценку элементов составов преступлений и действий виновных лиц, связанных с причинением общественно значимого вреда.

В качестве позитивного опыта истолкования уголовно-правовых конструкций с позиций конституционной идентичности, можно привести ряд решений Конституционного Суда РФ, раскрывающих содержание отдельных прав человека и пределы свободы самовыражения как проявления индивидуальной автономии личности.

В частности, Конституционный Суд РФ именно с учетом исторического и культурного наследия народов России, складывающихся на современном этапе развития общества, истолковал

формы выражения права на свободу вероисповедания и публичные дискуссии по религиозной тематике [10]. На основе традиционных представлений о гуманизме в контексте особенностей национального и конфессионального состава российского общества, его социокультурных и иных исторических характеристик, в частности, на сформировавшихся в качестве общепризнанных в российском обществе (и разделяемых всеми традиционными религиозными конфессиями) представлениях о браке, семье, материнстве, отцовстве, детстве, Конституционный Суд истолковал механизм реализации прав лиц с нетрадиционной сексуальной ориентацией [11]. Исходя из положений Конституции РФ, согласно которой многонациональный народ Российской Федерации чтит память предков, передавших ему любовь и уважение к Отечеству, веру в добро и справедливость, осознает свою ответственность перед потомками, Суд дал толкование ст. 354¹ УК РФ [12].

Тест на соблюдение конституционной идентичности применим и ко многим иным уголовно-правовым нормам. Прежде всего, тем, которые затрагивают наиболее чувствительные области проявления личной свободы в государственно устроенном обществе. Например, к нормам об ответственности за распространение заведомо ложной информации об использовании Вооруженных Сил РФ в целях защиты интересов РФ и ее граждан (ст. 207³ УК РФ), о дифференциации уголовной ответственности за действия сексуального характера в отношении несовершеннолетних в зависимости от вида этого действия (ч. 1 и ч. 2 ст. 134 УК РФ) и др.

В принципе, в условиях формирования уголовной политики, основанной на традиционных ценностях, он должен стать одним из обязательных условий принятия решения о криминализации и проверке состоявшихся решений. В содержательном отношении, требование соблюдения конституционной идентичности коррелирует известному принципу социальной, исторической и культурной обусловленности уголовной политики и уголовного права. Однако оно вносит в него значимые подчеркнуты правовые ограничения.

По аналогии с проблематикой учета неправовых факторов в процессе эволютивного толкования закона, неправовые факторы конструирования уголовно-правового запрета (культурные, исторические и пр.) в рамках концепции конституционной идентичности ограничиваются текстом Конституции, не привносятся в сферу права

извне, а «выводятся» непосредственно из основополагающего конституционного акта.

А. А. Троицкая обоснованно отмечает, что формально-юридическая опора на текст Конституции дает по крайней мере три поисковых направления для обнаружения истоков конституционной идентичности:

а) текст преамбулы, как правило, отражающей пережитый опыт и/или устремления в будущее;

б) текст глав, содержащих основные принципы правового порядка, чаще всего – это главы об основах конституционного строя, иногда – об основах взаимодействия личности и государства;

в) текст положений, имеющих повышенную защиту от конституционных изменений.

Любого из этих источников может быть достаточно для обнаружения черт конституционной идентичности, а их комбинация может дать обобщенные результаты, поскольку все три элемента текста так или иначе содержат ключевые для данного правового порядка идеи, ценности [13].

Тема соотношения конституционных ценностей всегда была в центре внимания правоведов, но в последние годы приобрела повышенную актуальность, в том числе в связи с выявлением параметров конституционной идентичности России, укреплением суверенитета и построением сильного государства. Первое время после принятия УК РФ 1996 года в уголовно-правовой науке проблема конституционных ценностей обсуждалась по преимуществу с точки зрения расстановки приоритетов в их охране. Если некоторые авторы последовательно отстаивали приоритет интересов личности, ее прав и свобод [14], то другие, напротив, писали о необходимости первоочередной защиты государственных и общественных интересов [15]. В последние годы эта дискуссия вышла на новый уровень. Прежняя концепция, обосновывающая наличие конституционно заданной иерархии ценностей [16], стала активно конкурировать с набирающей силу концепцией, в рамках которой все конституционные ценности признаются равнозначными и несоподчиненными, а задача правового регулирования состоит в поиске оптимального баланса между ними. О сбалансированности прав и обязанностей граждан сегодня прямо говорит ст. 75.1 Конституции РФ.

Применительно к сфере регулирования уголовно-правовых отношений тезис сбалансиро-

ванности интересов четко артикулировал Конституционный Суд РФ: «Лишь обращение к методу баланса, применяемого в том числе в контексте аксиологического подхода, обеспечивает конституционно должное соотношение частных и публичных интересов, выступающих основаниями ограничений прав и свобод» [17].

Поиск и обоснование конституционного баланса ценностей приобретает особое значение в ситуациях, когда реализация прав и свобод одного лица затрагивает интересы иных лиц, общества или государства. Так, например, Конституционный Суд РФ указал, что порядок реализации права на свободу совести и свободу вероисповедания требует его соотношения с порядком реализации иных конституционных прав, в том числе в социально-политической сфере, и обязывает как законодателя, так и правоприменителя, включая суд, обеспечивать разумный баланс интересов верующих и религиозных объединений, с одной стороны, и светских политических и государственных институтов – с другой, не посягая при этом на само существо данного права и не создавая препятствий для его реализации [18].

В иных ситуациях, Конституционный Суд РФ разрешал проблему баланса публичных интересов и права граждан на участие в публичных мероприятиях [19].

Озвучил Конституционный Суд РФ и свою позицию в отношении необходимости поиска баланса между правом на свободу выражения мнений и иными конституционными ценностями, в том числе правом на доброе имя и свободой политической дискуссии [20].

Поиск баланса конституционных ценностей – сложная и по своему содержанию едва ли не центральная задача уголовной политики, принимая во внимание, что суть уголовно-правового запрета и наказания – лишение или ограничение лица какого-либо права – всегда осуществляется в интересах защиты иных прав и законных интересов личности, общества и государства.

В данном случае, балансировка осуществляется в два этапа.

На первом – выясняется содержание и пределы того или иного права человека, с тем чтобы сбалансировать их с иными конституционными ценностями и установить границы свободы, неподконтрольности личности в его осуществлении.

На втором этапе выясняется наличие баланса между собственно уголовно-правовыми средствами реагирования на злоупотребление этим правом и целями уголовного права.

Первая часть, в большей степени, коррелирует с нормативной обрисовкой состава правонарушения и диспозицией уголовно-правовой нормы.

Вторая часть – адекватности правовых средств реагирования на нарушение и адекватности уголовного наказания, его законодатель сделал выбор в его пользу.

И в том, и в другом случае балансировка осуществляется, во-первых, на всех этапах создания и применения уголовно-правовой нормы, и во-вторых, что особенно важно, с учетом конкретно-исторических условий правотворчества и правоприменения и на основе представлений о конституционной идентичности, в том числе на основе традиционных духовно-нравственных ценностей.

Тезис об экономической, политической и социальной солидарности получил непосредственное закрепление в ст. 75.1 Конституции России. Выступая антиподом не только частному эгоизму, индивидуальному и групповому, но и этатистской абсолютизации публичного в ущерб частному, в тех случаях, когда формальное следование конституционным предписаниям ведет к социально неприемлемым результатам, принцип солидарности способствует нейтрализации злоупотреблений конституционными правами и свободами.

Принцип солидарности привносит свои специфические оттенки в содержание многих иных конституционных принципов и обладает собственным оригинальным содержанием. Социальная солидарность, - пишут исследователи, – «многоаспектный феномен, отражающий интересы общества и личности как единой социосистемы и, вследствие этого, отвергающий принцип формирования отношений между отдельными индивидами, социальными общностями исключительно на основе индивидуализма в угоду прибыли, противопоставления частных интересов интересам общества («совокупной» личности), равно как и подавления частных интересов квазигосударственными, узковедомственными интересами, создавая тем самым мощное противодействие центробежным асоциальным силам, дезинтегрирующих (буквально – разрывающих) общество на конкурирующие и противостоящие друг другу атомарные единицы» [21]. Проявляя себя в конституционно предусмотренных сферах, солидарность создает благоприятные условия для общегражданского диалога, поддерживая конструктивные взаимосвязи между социальными группами – носителями разнородных интересов при

посредничестве, оказываемом в случае необходимости публично-властными институтами. Причем, в связи с конституционным признанием, солидарность должна рассматриваться не просто как социально-этическая категория, но как категория права, как конституционный принцип, обладающий значимым регулятивным содержанием. Принцип социальной солидарности нормативно оправдывает не только механизм правоограничения, но и пределы субъективного права, которые препятствуют его злоупотреблению; он купирует возникающие коллизии частного и общественного интересов, сглаживая противоречия между ними и обеспечивая социальный консенсус в чистом виде [22]. Недооценка регулятивных возможностей принципа солидарности «может привести к необратимым последствиям, превратить в иллюзию идею консолидации как условия прогресса» [23].

При этом требование солидарности, в виде его всеобщей конституционной значимости, не ограничивается исключительно сферой регулирования социальных, трудовых, пенсионных, экономических отношений. В полной мере данный принцип охватывает собой и отношения уголовно-правовые.

Так, например, поскольку принцип солидарности возлагает на ныне живущее поколение обязательства перед ушедшими и будущими поколениями, дополнительные легитимирующие начала приобретают уголовно-правовые нормы об ответственности за реабилитацию нацизма (ч. 1 ст. 354¹ УК РФ), за распространение выражающих явное неуважение к обществу сведений о днях воинской славы и памятных датах России, связанных с защитой Отечества, а равно осквернение символов воинской славы России, оскорбление памяти защитников Отечества либо унижение чести и достоинства ветерана Великой Отечественной войны (ч. 2 ст. 354¹ УК РФ).

Межпоколенческая солидарность обнаруживает себя системе правоотношений, связанных с реализацией уголовно-правовых запретов на отказ в приеме на работу лица по мотивам достиже-

ния им предпенсионного возраста, а равно увольнение с работы такого лица по тем же мотивам (ст. 144¹ УК РФ), отказ в приеме на работу или увольнение беременной женщины, или женщины, имеющей детей в возрасте до трех лет (ст. 145 УК РФ), невыплату заработной платы, пенсий, стипендий, пособий и иных выплат (ст. 145¹ УК РФ).

Общее требование сохранять общенациональное достояние, то культурное и материальное наследие, которое народ России, приняв от предков, должен передать своим потомкам, находит свою конкретизацию в нормах об ответственности за экологические преступления, преступления, связанные с оборотом культурных ценностей, нарушением правил осуществления археологической деятельности и др.

В итоге, принцип солидарности пронизывает едва ли не все содержание уголовного закона, выступая и основой, и средством сплочения общества на основе традиционных ценностей и конституционной идентичности. Это дало основание специалистам констатировать, что в сфере уголовной политики концептуально оформилась идея использования уголовного закона не столько для охраны прав и свобод граждан, законных интересов организаций, правоохраняемых интересов государства или для предупреждения преступлений, сколько для достижения целей социальной интеграции, в том числе для поддержания социального спокойствия, доверия к государству, веры в справедливость [24].

Заключение.

Таким образом, принципы конституционной идентичности, баланса конституционных ценностей и солидарности, каждый в отдельности и особенно в своей совокупности, образуют не только философско-мировоззренческий, но и конституционно-правовой фундамент новой модели уголовной политики сильного государства, призванной гарантировать суверенитет и безопасность российского государства и признаваемых им правовых благ на основе консолидации общества вокруг разделяемых им традиционных ценностей.

Конфликт интересов

Не указан.

Рецензия

Все статьи проходят рецензирование в формате double-blind peer review (рецензенту неизвестны имя и должность автора, автору неизвестны имя и должность рецензента). Рецензия может быть предоставлена заинтересованным лицам по запросу.

Conflict of Interest

None declared.

Review

All articles are reviewed in the double-blind peer review format (the reviewer does not know the name and position of the author, the author does not know the name and position of the reviewer). The review can be provided to interested persons upon request.

Список источников:

1. Пудовочкин Ю. Е., Бабаев М. М. Уголовная политика и уголовное право сильного государства // Актуальные проблемы российского права. 2023. Т. 18, № 2. С. 131–144.

2. Husak D. *Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law.* – New York: Oxford University Press, 2008.
3. Владимиров Л. Е. Уголовный законодатель как воспитатель народа. – М.: Т-во скоропеч. А. А. Левенсон, 1903.
4. Овчинский В. С. Радикальный либерализм, сильное государство и уголовная политика // *Криминология: вчера, сегодня, завтра.* 2008. № 2 (15). С. 78–84.
5. Клейменов И. М. Три модели национальной уголовной политики в условиях глобализации // *Правоприменение.* 2017. Т. 1, № 4. С. 129–139.
6. Постановление Конституционного Суда РФ от 19.01.2017 № 1-П «По делу о разрешении вопроса о возможности исполнения в соответствии с Конституцией Российской Федерации постановления Европейского Суда по правам человека от 31 июля 2014 года по делу "ОАО "Нефтяная компания "ЮКОС" против России" в связи с запросом Министерства юстиции Российской Федерации» (абз. 3 п. 2) // *Собрание законодательства РФ.* – 2017. – № 5. – Ст. 866.
7. Заключение Конституционного Суда РФ от 16.03.2020 № 1-3 «О соответствии положениям глав 1, 2 и 9 Конституции Российской Федерации не вступивших в силу положений Закона Российской Федерации о поправке к Конституции Российской Федерации "О совершенствовании регулирования отдельных вопросов организации и функционирования публичной власти", а также о соответствии Конституции Российской Федерации порядка вступления в силу статьи 1 данного Закона в связи с запросом Президента Российской Федерации» (абз. 4 п.3) // *Собрание законодательства РФ.* – 2020. – № 12. – Ст. 1855.
8. Павлов В. И. Конституционная идентичность и верховенство права как две различные парадигмы современного конституционализма // *Право.ру.* 2022. № 5 (79). С. 36–42.
9. Указ Президента РФ от 9.11.2022 № 809 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» // *Собрание законодательства РФ.* – 2022. – № 46. – Ст. 7977.
10. Определение Конституционного Суда РФ от 25.09.2014 № 1873-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданки Толоконниковой Надежды Андреевны на нарушение ее конституционных прав частью второй статьи 213 Уголовного кодекса Российской Федерации». Текст документа официально не опубликован. URL: <https://doc.kstf.ru/decision/KSRFDecision175797.pdf> (дата обращения: 07.04.2025 г.).
11. Постановление Конституционного Суда РФ от 23.09.2014 № 24-П «По делу о проверке конституционности части 1 статьи 6.21 Кодекса Российской Федерации об административных правонарушениях в связи с жалобой граждан Н.А. Алексеева, Я.Н. Евтушенко и Д.А. Исакова» // *Собрание законодательства РФ.* – 2014. – № 40 (Часть III). – Ст. 5489.
12. Определение Конституционного Суда РФ от 23.07.2020 № 1884-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Иишутова Константина Александровича на нарушение его конституционных прав частью первой статьи 354.1 Уголовного кодекса Российской Федерации». Документ официально не опубликован. URL: <https://doc.kstf.ru/decision/KSRFDecision491293.pdf> (дата обращения: 07.04.2025 г.).
13. Троицкая А. А. Конституционная идентичность и где она обитает // *Вестник Московского университета. Серия 11: Право.* 2023. № 2. С. 12–23.
14. Наумов А. В. Конституционные основы уголовно-правовой охраны прав и свобод человека и гражданина // *Конституционные основы уголовного права: материалы I Всероссийского конгресса по уголовному праву / отв. ред. В.С. Комиссаров. М.: Проспект, 2006. С. 409–412.*
15. Фильмонов В. Д. Охранительная функция уголовного права. СПб.: Юридический центр Пресс, 2003.
16. Масловская Т. С. Конституционные ценности в XXI веке: тенденции к универсализму или укреплению национальных интересов? // *Журнал зарубежного законодательства и сравнительного правоведения.* 2018. № 6. С. 56–62.
17. Информация Конституционного Суда РФ «Методологические аспекты конституционного контроля (к 30-летию Конституционного Суда Российской Федерации). Одобрено решением Конституционного Суда РФ от 19.10.2021 (С. 118). URL: <http://www.kstf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (дата обращения: 08.04.2025 г.).
18. Постановление Конституционного Суда РФ от 05.12.2012 № 30-П «По делу о проверке конституционности положений пункта 5 статьи 16 Федерального закона "О свободе совести и о религиозных объединениях" и пункта 5 статьи 19 Закона Республики Татарстан "О свободе совести и о религиозных объединениях" в связи с жалобой Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации» // *Собрание законодательства РФ.* – 2012. – № 51. – Ст. 7324.
19. Постановление Конституционного Суда РФ от 10.02.2017 № 2-П «По делу о проверке конституционности положений статьи 212.1 Уголовного кодекса Российской Федерации в связи с жалобой гражданина И.И. Дадина» // *Собрание законодательства РФ.* – 2017. – № 9. – Ст. 1422.
20. Определение Конституционного Суда РФ от 27.09.1995 № 69-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалобы гражданина Козырева Андрея Владимировича». Документ официально не опубликован. URL: <https://doc.kstf.ru/decision/KSRFDecision31644.pdf> (дата обращения: 09.04.2025 г.).
21. Червонюк В. И., Артюхов Ю. С. Солидарность как основа общегражданского согласия – парадигмы современного конституционного развития // *Право и государство: теория и практика.* 2023. № 10 (226). С. 92–95.
22. Шаламова А. Н. Конституционный принцип социальной солидарности: теоретико-правовой анализ // *Алтайский юридический вестник.* 2023. № 3 (43). С. 73–78.
23. Умнова-Конюхова И. А., Алешкова И. А. Принцип солидарности в постиндустриальном обществе: особенности содержания и тенденции развития // *Международное публичное и частное право.* 2021. № 1. С. 3–7.
24. Босхолов С. С., Максимов С. В. Уголовно-правовая политика: опыт, проблемы и пути совершенствования // *Пролог: журнал о праве.* 2018. № 3. С. 8–18.

References:

1. Pudovochkin Yu. E., Babaev M. M. *Criminal policy and criminal law of a strong state* // *Actual problems of Russian law.* 2023. Vol. 18, No. 2. pp. 131-144.
2. Husak D. *Overcriminalization. The Limits of the Criminal Law.* – New York: Oxford University Press, 2008.
3. Vladimirov L. E. *Criminal legislator as educator of the people.* – Moscow: Skoropech. A. A. Levenson, 1903.

4. Ovchinsky V. S. *Radical liberalism, a strong state and criminal policy* // *Criminology: yesterday Today, tomorrow*. 2008. No. 2 (15). pp. 78-84.
5. Kleimenov I. M. *Three models of national criminal policy in the context of globalization* // *Law enforcement*. 2017. Vol. 1, No. 4. pp. 129-139.
6. *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 19.01.2017 No. 1-P "In the case of Resolving the issue of the possibility of executing, in accordance with the Constitution of the Russian Federation, the decision of the European Court of Human Rights dated July 31, 2014 in the case of OAO YUKOS Oil Company v. Of Russia" in connection with the request of the Ministry of Justice of the Russian Federation" (paragraph 3, paragraph 2)* // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2017. – No. 5. – St. 866.
7. *Conclusion of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 03/16/2020 No. 1-Z "On Compliance with the Provisions of Chapters 1, 2 and 9 of the Constitution of the Russian Federation of the Provisions of the Law of the Russian Federation on the Amendment to the Constitution of the Russian Federation "On Improving the Regulation of Certain Issues of the Organization and Functioning of Public Power", as well as on compliance with the Constitution of the Russian Federation entry into force of Article 1 of this Law in connection with the request of the President of the Russian Federation" (paragraph 4, paragraph 3)* // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2020. – No. 12. – Art. 1855.
8. Pavlov V. I. *Constitutional identity and the rule of law as two different paradigms of modern constitutionalism* // *Право.by*. 2022. No. 5 (79). pp. 36-42.
9. *Decree of the President of the Russian Federation dated 11/9/2022 No. 809 "On Approval of the Foundations of State Policy for the preservation and strengthening of traditional Russian spiritual and moral values"* // *Collection legislation of the Russian Federation*. – 2022. – No. 46. – Article 7977.
10. *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated September 25, 2014 No. 1873-On "Refusal to accept for consideration the complaint of citizen Tolokonnikova Nadezhda Andreevna for violation of her constitutional rights by Part two of Article 213 of the Criminal Code of the Russian Federation."* The text of the document has not been officially published. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision175797.pdf> (date of application: 04/07/2025).
11. *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/23/2014 No. 24-P "In the case of checking the constitutionality of Part 1 of Article 6.21 of the Code of Administrative Offences of the Russian Federation in connection with the complaint of citizens N.A. Alekseev, Ya.N. Yevtushenko and D.A. Isakov"* // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2014. – No. 40 (Part III). – Art. 5489.
12. *Ruling of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 07/23/2020 No. 1884-On "Refusal to accept for Consideration the complaint of citizen Konstantin Alexandrovich Ishutov for violation of his Constitutional rights by Part One of Article 354.1 of the Criminal Code of the Russian Federation"*. The document has not been officially published. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision491293.pdf> (date of reference: 04/07/2025).
13. Troitskaya A. A. *Constitutional identity and where it lives* // *Bulletin of the Moscow University. Episode 11: The Law*. 2023. No. 2. pp. 12-23.
14. Naumov A.V. *Constitutional foundations of criminal law protection of human and civil rights and freedoms* // *Constitutional foundations of criminal law: materials of the I All-Russian Congress on Criminal Law / ed. by V.S. Komissarov*. Moscow: Prospekt, 2006. pp. 409-412.
15. Filimonov V. D. *Protective function of criminal law*. SPb.: Law Center Press, 2003.
16. Maslovskaya T. S. *Constitutional values in the 21st century: trends towards universalism or strengthening national interests?* // *Journal of Foreign Legislation and Comparative Jurisprudence*. 2018. No. 6. pp. 56-62.
17. *Information of the Constitutional Court of the Russian Federation "Methodological aspects of constitutional control (on the 30th anniversary of the Constitutional Court of the Russian Federation)*. Approved by the decision of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 19.10.2021 (P. 118). URL: <http://www.ksrf.ru/ru/Info/Maintenance/Documents/Aspects2021.pdf> (date of application: 04/08/2025).
18. *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 05.12.2012 No. 30-P "On the case of checking the Constitutionality of the provisions of paragraph 5 of Article 16 of the Federal Law "On Freedom of Conscience and Religious Associations" and paragraph 5 of Article 19 of the Law of the Republic of Tatarstan "On Freedom of Conscience and Religious Associations" in connection with the complaint of the Commissioner for Human Rights in Of the Russian Federation"* // *Collection of legislation of the Russian Federation*. – 2012. – No. 51. – Art. 7324.
19. *Resolution of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 10.02.2017 No. 2-P "On the case of checking the constitutionality of the provisions of Article 212.1 of the Criminal Code of the Russian Federation in connection with the complaint of citizen I.I. Dadin"* // *Collection of Legislation of the Russian Federation*. – 2017. – No. 9. – Art. 1422.20.
20. *Definition of the Constitutional Court of the Russian Federation dated 09/27/1995 No. 69-On "Refusal to accept for consideration the complaint of citizen Kozyrev Andrey Vladimirovich."* The document has not been officially published. URL: <https://doc.ksrf.ru/decision/KSRFDecision31644.pdf> (date of application: 04/09/2025).
21. Chervonyuk V. I., Artyukhov Yu.S. *Solidarity as the basis of civil consent – paradigms of modern constitutional development* // *Law and the State: theory and practice*. 2023. No. 10 (226). pp. 92-95.
22. Shalamova A. N. *The constitutional principle of social solidarity: a theoretical and legal analysis* // *Altayskiy yuridicheskiy vestnik*. 2023. No. 3 (43). pp. 73-78.
23. Umnova-Konyukhova I. A., Alyoshkova I. A. *The principle of solidarity in a post-industrial society: features of content and development trends* // *International public and private law*. 2021. No. 1. pp. 3-7.
24. Bosholov S. S., Maksimov S. V. *Criminal law policy: experience, problems and ways of improvement* // *Prologue: Journal of Law*. 2018. No. 3. pp. 8-18.

Информация об авторе:

Чирков Филипп Викторович, кандидат юридических наук, доцент, докторант кафедры уголовного права и криминологии, Кубанский государственный университет, Заслуженный юрист Кубани, г. Краснодар, Россия, Fil-chirkov@mail.ru
Philip V. Chirkov, PhD (Law), Associate Professor, doctoral student of the Department of Criminal Law and Criminology of Kuban State University, Honored Lawyer of Kuban.

Статья поступила в редакцию / The article was submitted 07.04.2025;

Одобрена после рецензирования / Approved after reviewing 18.05.2025;

Принята к публикации / Accepted for publication 20.05.2025.

Автором окончательный вариант рукописи одобрен.